

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

1

Мне придется начать это повествование с краткого описания семьи Хэмптон, ибо необходимо раз и навсегда заявить: Хэмптоны были не только очень знатны, но и очень богаты. Достаточно заглянуть в книгу пэров Бёрка* или в справочник Дебретта**, чтобы в этом убедиться. Впрочем, подобные толстые тома не всегда под рукой, а книги по данному предмету, написанные зятем лорда Монтдора Малышом Дугдейлом, разошлись и больше не переиздаются. Великий талант сноба и слабый литературный дар Малыша произвели три подробных изыскания о предках его жены, но сейчас их можно раздобыть только с помощью букиниста. (Книгопродавец поместит в своей профессиональной газете объявление: «Любые книги достопочтенного Дугдейла», — и его завалят книжками ценой в шиллинг, а он затем гордо сообщит своему клиенту, что ему «удалось найти то, что вы хотели», намекая на тщательные многочасовые поиски на развалах и покупку всех трех книг за бесценок — всего за тридцать шиллингов.) «Джорджиана, леди Монтдор, и ее круг», «Блистательные Монтдоры» и «Старые хроники Хэмптонов» — все эти книги лежат передо мной, пока я

* В книге пэров Бёрка представлен список пэров Англии и их родословная.

** Справочник Дебретта — справочник о британской королевской семье и других аристократических семьях Соединенного Королевства. Содержит сведения о членах этих семейств, их истории и состояниях.

пишу, и я вижу, что начальный абзац первой гласит: «Ясным майским утром две дамы, одна темноволосая, другая белокурая, обе молодые и прелестные, быстро ехали на машине в направлении маленькой деревни в Кенсингтоне. Это были Джорджиана, графиня Монтдор, и ее близкая подруга Вальбурга, герцогиня Пэддингтон, которые с восхитительным оживлением обсуждали животрепещущий вопрос: стоит ли жертвовать деньги на прощальный подарок бедной дорогой княгине Ливен*».

Книга посвящена, по милостивому разрешению, ее королевскому высочеству русской великой княгине Санкт-Петербургской и имеет восемь иллюстраций размером во всю страницу. Надо сказать, что, когда эта убийственная трилогия вышла в свет, она была очень популярна у посетителей библиотек.

Семейство Хэмптон известно на западе Англии с давних времен — действительно, Фуллер** в своей книге «Знаменитые люди Англии» упоминает о нем как о весьма старинном.

Бёрк рисует его чуть более древним, чем это делает Дебретт, но оба погружаются в туманную глубину Средневековья, выуживая оттуда предков с именами в духе П.Г. Вудхауса — всех этих Угов, Бертов и Тредов, — и с судьбами в духе Вальтера Скотта. «Его светлость был приговорен к смерти с лишением гражданских и имущественных прав... обезглавлен... осужден... объявлен вне закона... сослан... выволочен из тюрьмы разъяренной толпой... убит в битве при Креси***... пошел ко дну вместе

* Дарья Христофоровна Ливен (1785–1857) — княгиня, тайный агент русского правительства в Лондоне и Париже. Вошла в историю как первая русская женщина-дипломат.

** Томас Фуллер (1608–1661) — английский историк, богослов, писатель, доктор богословия в Кембридже.

*** Битва при Креси (1346) — одно из важнейших сражений Столетней войны, произошедшее в Северной Франции и ознаменовавшее конец рыцарства.

с «Белым кораблем»*... погиб во время третьего Крестового похода... убит на дуэли». В те давние смутные дни отмечалось очень мало смертей от естественных причин. И Бёрк, и Дебретт с явным наслаждением задерживаются на столь чистопородном предмете, как эта семья, не испорченная двусмысленностями женской линии и односторонних обязательств**. И никакие вышедшие в XIX веке отвратительные книжки, посвященные историческим исследованиям и имеющие целью опорочить титулованное дворянство, не делают этот предмет менее чистопородным. Высокие златокудрые бароны, рожденные в законном браке и все очень похожие друг на друга, сменялись в Хэмптоне, на землях, которые никогда не покупались и не продавались, пока в 1770 году тогдашний лорд Хэмптон не привез из поездки в Версаль невесту-француженку, некую мадемуазель де Монтдор. У их сына были карие глаза, смуглая кожа и предположительно (ибо на всех его портретах они напудрены) черные волосы. Эта чернота в семье не сохранилась — он женился на златокудрой богатой наследнице из Дербишира, и Хэмптоны вернулись к своей голубоглазой и златовласой внешности, присущей им и по сей день. Сын француженки был довольно умен и весьма искушен житейски, баловался политикой и написал книгу афоризмов. Большая и многолетняя дружба с принцем-регентом обеспечила ему, кроме прочих милостей, титул графа. Поскольку вся семья его матери погибла во Франции во времена террора, он взял в качестве титула ее фамилию. Неимоверно богатый, он и тратил неимоверно много. Имея вкус к французским произведениям искусства, он за годы,

* «Белый корабль» потерпел крушение 25 ноября 1120 года в проливе Ла-Манш у берегов Нормандии, при этом погибло большое число англонормандских аристократов.

** Одностороннее обязательство — юридическая процедура в Британии, в ходе которой человек легально и официально меняет фамилию.

последовавшие за Французской революцией, приобрел прекрасную коллекцию таких вещей, включая многие предметы королевской обстановки и другие, которые были разграблены из Отель де Монтдор на рю де Варенн. Чтобы создать подходящую оправу для этой коллекции, он затем приступил к сносу большого невзрачного дома в Хэмптоне, который Адам* построил для его дедушки, и к переносу в Англию, камень за камнем (что, как известно, делают современные американские миллионеры), готического французского шато. Это шато он скомпоновал вокруг роскошной башни, спроектированной им самим, обшил стены комнат французскими панелями и шелком и окружил постройку регулярным садом, который тоже спроектировал и высадил сам. Все это было очень величественно, совершенно безумно и в период между двумя войнами, о котором я пишу, очень старомодно. «Может быть, это и красиво, — говорили люди, — но, откровенно говоря, я не в восторге».

Этот лорд Монтдор также построил Монтдор-хаус на Парк-лейн в Лондоне и замок на скале в графстве Абердиншир. Он, пожалуй, и впрямь был самым интересным и оригинальным персонажем, какого произвела эта семья, но основательность была присуща всем ее членам без исключения. Солидного, заслуженного, могущественного Хэмптона можно найти на любой странице английской истории, его влияние на западе Англии колоссально, а к его советам прислушиваются и в Лондоне.

Традицию продолжил отец моей подруги Полли Хэмптон. Если бы англичанин мог происходить от богов, то это был бы он — настолько типичный английский аристократ, что тот, кто верил в аристократическое правление, всегда бы мог в подтверждение своих доводов ука-

* Уильям Адам (1689–1748) — шотландский архитектор, каменщик, основоположник неоклассического стиля и законодатель архитектурной моды.

зять на него. В самом деле, все ощущали, что, если бы было больше подобных людей, страна бы не находилась в нынешнем своем беспорядке, причем даже социалисты признавали его превосходство, что могли себе позволить, поскольку он был такой один и делал успехи. Гуманитарий, христианин, джентльмен, самый искусный стрелок на Британских островах, самый красивый генерал-губернатор, какого мы когда-либо посылали в Индию, популярный помещик, столп консервативной партии — словом, чудесный старик, который никогда не делал и не подразумевал ничего банального. Мы с моей кузиной Линдой, две непочтительные маленькие девочки, чье мнение не имеет никакого значения, всегда считали его чудесным старым плутом, и нам казалось, что настоящее значение в том доме имела леди Монтдор. Вот она-то как раз всегда поступала банально и была чрезвычайно непопулярна. Ее не любили в той же степени, в какой обожали ее мужа, и потому вина за любые его поступки, которые могли выглядеть не вполне достойными или не очень соответствовали его репутации, немедленно возлагалась на нее. «Конечно, это же она заставила его так поступить». С другой стороны, я часто задавалась вопросом: не тирань она его и не подталкивай, не плети интриги и не злоумышляй ради него, не «заставляй его так поступать», то есть, по сути дела, без помощи тех самых качеств, которые вызывали такую к ней нелюбовь, без ее толстой кожи, честолюбия и безграничной побуждающей энергии совершил бы он когда-нибудь хоть что-то заметное в мире?

Это не общепринятая точка зрения. Мне говорили, что к тому времени, когда я по-настоящему его узнала, после их возвращения из Индии, он был уже стар, изнеможен и оставил борьбу, но в расцвете сил держал под контролем не только судьбы людей, но и вульгарность своей жены. Был в лорде Монтдоре некий мишурный блеск, не имевший отношения к возрасту. Внешне он,

безусловно, был очень привлекателен, но это была пустая красота, подобная красоте женщины, лишенной сексапильности. Он и стариком выглядел прекрасно, однако мне казалось, что, хотя лорд Монтдор по-прежнему регулярно бывал в Палате лордов, посещал Тайный совет*, заседал во всевозможных комитетах и часто появлялся в списке награжденных по случаю дня рождения короля**, он с тем же успехом мог бы быть сделан из чудесного старого картона.

Леди Монтдор, однако, была вполне себе из плоти и крови. Урожденная мисс Перрот, красивая дочь сельского сквайра с небольшими средствами и невысоким общественным положением. Ее брак с лордом Монтдором был гораздо более выгодным, чем тот, на который она могла обоснованно рассчитывать. С течением времени, когда ее суетная алчность и снобизм, ужасная неослабная вульгарность вошли в поговорку и стали предметом многих легендарных сказаний, сложилось мнение о ее то ли низком, то ли заокеанском происхождении. Но на самом деле она была из очень родовой семьи и получила приличное воспитание, как и подобало настоящей леди, так что при отсутствии смягчающих обстоятельств ей следовало бы сообразать, как себя вести.

Несомненно, ее необузданная вульгарность стала с годами более очевидной и менее управляемой. Но как бы то ни было, муж, похоже, никогда этого не замечал, и брак их был успешным. Леди Монтдор побудила супруга заняться общественной карьерой, плоды которой он мог вкушать без особых усилий, поскольку она положила

* Тайный совет Великобритании — орган советников британского короля. Изначально был могущественным учреждением Британской империи, однако в настоящее время носит во многом церемониальный характер.

** Ежегодно в день рождения британского монарха воздаются особые почести ряду британцев за их достижения или хорошую работу.

своей обязанностью следить за тем, чтобы он был окружен оравой умелых подчиненных. И хотя лорд Монтдор притворялся, что презирает светскую жизнь, которая составляла смысл существования его жены, он весьма изысканно с этой жизнью примирился, развив природный талант к приятному разговору и принимая как должное тот факт, что люди им восхищаются. «Ну разве лорд Монтдор не чудо? Соня — это, конечно, дурная шутка, но сам он такой блестящий, такой душка. Я его обожаю».

Любимым делом было делать вид, что они приходят в дом Монтдоров исключительно благодаря ему. Но это было отъявленным вздором, потому что оживленность и веселье званых вечеров леди Монтдор не имели к старому лорду ни малейшего отношения, и какой бы ненавистной во многих отношениях его супруга ни была, она достигла вершин в качестве хозяйки.

Словом, они были счастливы вместе и прекрасно подходили друг другу. Но их супружескую жизнь годами омрачала серьезная неприятность: у них не было детей. Лорд Монтдор был недоволен, потому что, естественно, хотел иметь наследника, а также по сентиментальным соображениям. Леди Монтдор переживала неистово. Помимо мечты о наследнике, ей была ненавистна любая форма провала, она не выносила, когда ее планы срывались, и жаждала объекта, на котором могла бы сосредоточить ту энергию, что не была поглощена обществом и карьерой мужа. Они были женаты почти двадцать лет и совершенно расстались с мыслью иметь ребенка, как вдруг леди Монтдор начала чувствовать себя хуже, чем обычно. Она не обратила на это внимания, продолжая свои обычные занятия, и лишь за два месяца до родов осознала, что у нее будет ребенок. Она была достаточно умна, чтобы избежать насмешек, неизбежных в такой ситуации, сделав вид, что хранила секрет намеренно, поэтому, вместо того чтобы покатываться со смеху, все сказали: «Ну, разве Соня не абсолютно феноменальна?»

Я знаю об этом по рассказам своего дяди Дэви Уорбека. На протяжении многих лет, сам страдая или испытывая наслаждение от большинства недугов из медицинского словаря, он был весьма сведущ в больничных сплетнях.

Тот факт, что родившийся ребенок оказался девочкой, кажется, никогда и нисколько не беспокоил Монтдоров. Поскольку при рождении Полли леди Монтдор еще не было сорока, родители, видимо, поначалу не смотрели на нее как на единственного ребенка, а к тому времени, как поняли, что других у них никогда не будет, они уже так сильно ее любили, что сама идея, будто она могла бы быть мальчиком, стала невысказанной. Естественно, им бы хотелось иметь мальчика, но только если бы он существовал наряду с Полли, а не вместо нее. Она была их сокровищем, центром мироздания.

Полли Хэмптон была красива, и эта красота стала ее выдающейся чертой. Она была из тех людей, о которых вы не можете думать в отрыве от их внешности, что в ее случае не менялась и не зависела от одежды, возраста, обстоятельств, и даже от состояния здоровья. Будучи больной или усталой, Полли просто выглядела слабой, но никогда желтой, поблекшей или исхудавшей. Она была рождена красавицей и на протяжении того времени, что я ее знала, не вяла, не дурнела, а, напротив, хорошела год от года. Красота Полли и знатность ее семьи — ключевые элементы этого повествования. Но хотя Хэмптонов можно изучить по различным справочникам, мало будет толку, если обратиться к номерам гламурного журнала «Татлер» и увидеть Полли глазами фотографов Ленера и Дороти Уайлдинг. Ее телесный облик, конечно, там присутствует, чудовищные шляпки и старомодные позы не могут его скрыть. Костяк, формы, черты лица всегда само совершенство. Но красота в конце концов — это нечто большее. Тело смертно и тленно, после разложения плоти остаются только кости,

а красота — штука живая, скользкая по поверхности: синеватые тени на нежной коже, волосы, золотыми локонами ниспадающие на белый гладкий лоб — она воплощается в движении, улыбке, а больше всего во взгляде красивой женщины. Взгляд у Полли был голубой вспышкой — в жизни не видела ничего столь голубого и столь неожиданного. Он был удивительно не связан со зрением: казалось невозможным поверить, что эти непрозрачные голубые камни наблюдают, усваивают или делают что-то еще, кроме как источают благодать на того, в чью сторону устремлены.

Неудивительно, что родители обожали Полли. Даже леди Монтдор, которая была бы ужасной матерью некрасивой девочке или эксцентричному, своенравному мальчишке, без труда удавалось быть идеальной по отношению к ребенку, оказывавшему ей, как казалось, большую честь перед лицом мира и венчавшему ее амбиции — венчавшему, пожалуй, буквально. Полли всегда предназначали для незаурядного замужества. Разве не рисовалось воображению леди Монтдор нечто очень величественное, когда она нарекла дочь Леопольдиной? Не имело ли это имя королевского, смутно кобургско-го* привкуса, который может однажды оказаться весьма кстати? Не мечтала ли она об алтаре в Вестминстерском аббатстве, об архиепископе, о голосе, произносящем: «Я, Альберт Эдвард Кристиан Джордж Эндрю Патрик Дэвид, беру в жены тебя, Леопольдина»? В этой мечте не было ничего невозможного. С другой стороны, не могло быть ничего более английского, здорового и незатейливого, чем имя «Полли».

* Саксен-Кобург-Готская династия вступила на британский трон после смерти королевы Виктории в 1901 г., когда королем стал Эдуард VII — ее сын от Альберта Саксен-Кобург-Готского. В конце Первой мировой войны сын и наследник Эдуарда Георг V избавился от немецкого названия, переименовав династию из Саксен-Кобург-Готской в Виндзорскую.

* * *

Нас с моей кузиной Линдой Рэдлетт с самого раннего детства приглашали поиграть с Полли, поскольку, как это часто бывает с родителями единственного ребенка, Монтдоры были всегда сильно озабочены ее возможным одиночеством. Я знаю, что мою приемную мать тетю Эмили терзали такие же опасения, и она пошла бы на что угодно, лишь бы не держать меня при себе одну во время каникул. Хэмптон-парк расположен неподалеку от поместья Алконли, где жила Линда, и они с Полли, будучи примерно одного возраста, казалось бы, были обречены стать лучшими подругами. Однако по какой-то причине девочки никогда не были особенно привязаны друг к другу, да и леди Монтдор не любила Линду, и как только та освоила азы общения, объявила ее разговоры «неподходящими». Я как сейчас вижу Линду за ланчем в большой столовой Хэмптона (той самой столовой, в которой я в разные периоды своей жизни бывала так объята ужасом, что самый ее запах, столетний букет, сохранившийся после дорогой еды, дорогого вина, дорогих сигар и дорогих женщин, до сих пор действует на меня, как запах крови на животное), слышу ее певучий рэдлеттовский голос:

— У тебя когда-нибудь были глисты, Полли? У меня были, и ты представить себе не можешь, какие они беспокойные. А потом — о, самое интересное! — пришел доктор Симпсон и стал их гнать. Ну, ты же знаешь, что док Симп всегда был любовью моей жизни, так что сама понимаешь...

Это было слишком для леди Монтдор, и Линду больше никогда не приглашали. Но я приезжала к ним примерно на неделю почти в каждые каникулы, отсылаемая туда по пути в Алконли или обратно, как часто проделывают с детьми, никогда не спрашивая, нравится ли им это и хотят ли они поехать. Мой отец приходился лорду Монтдору родственником по материнской линии.

Я была благовоспитанным ребенком и, видимо, нравилась леди Монтдор, во всяком случае, она, должно быть, считала меня «подходящей» (это слово присутствовало в ее словаре на видном месте), потому что в какой-то момент встал вопрос о моем переезде туда на целый семестр, чтобы делать с Полли уроки. Однако когда мне исполнилось тринадцать, они уехали управлять Индией, после чего Хэмптон и его владельцы стали для меня туманным, хотя и всегда тревожным воспоминанием.

2

К тому времени как Монтдоры вместе с Полли вернулись из Индии, я выросла и уже провела в Лондоне один светский сезон. Мать Линды, моя тетья Сэди (леди Алконли), вывозила меня в свет вместе с Линдой. Иными словами, мы побывали на нескольких балах дебютанток, где все молодые люди были такими же юными и такими же робкими, как и мы сами. Все это имело сильный привкус детской неудачи, было совершенно не похоже на реальный мир и так же мало готовило к нему, как детские утренники. К концу лета Линда стала обрученной невестой, а я вернулась домой в Кент, к другим своим родственникам — тете Эмили и дяде Дэви, которые освободили моих разведенных родителей от скуки и бремени воспитания ребенка.

Дома я скучала, как это бывает с молодыми девушками, когда у них впервые нет ни уроков, ни вечеринок, чтобы занять ум, а затем однажды посреди этой скуки пришло приглашение погостить в октябре в Хэмптоне. Я сидела в саду, и тетья Эмили вышла ко мне с письмом от леди Монтдор в руке.

— Леди Монтдор говорит, там соберется довольно взрослое общество, большей частью «молодые женатые пары», но она хочет, чтобы именно ты составила компанию Полли. Конечно, для вас, девушек, будут двое мо-